

Следующие две книги стихов Р.— «**Корабли**» (1920) и «**Крылатый гость**» (1922) — свидетельствуют о преобразении творческого метода поэтессы. «Для Анны Радловой смысл и освящение и последняя мера величайших событий в том, что возвращается словам их бессмертная и потому так легко в сердцах людских умирающая правда... — писал о «Кораблях» В. Чудовский.— В этом маленьком сборнике... открывается разительное явление: для этого поэта слова стали опять совсем простыми и сильными простотой своей. Хлеб, любовь, кровь. И еще смерть — „добрая смерть“... И очень часто — Бог. Я хочу в этом видеть признак возрождения в русской поэзии словесного примитивизма» (Начала: Журнал истории литературы и истории общечеловечности. Пб., 1921. № 1. С. 209). Стремление Р. преодолеть «художественность» стихотворного текста, сковывавшую свободу непосредственного эмоционального лирического излияния, приветствовал М. А. Кузмин, увлеченный в начале 1920-х эстетикой т. н. «эмоционализма» (в 1923 в группу «эмоционалистов» войдет и Р.). Кузмин отмечал «огромный путь, который прошла Радлова с первых своих шагов до последнего сборника, где перед нами подлинный и замечательный поэт с большим полетом и горизонтами, в строках которого трепещет и бьется современность (не в „пайковом“ смысле) и настоящее человеечь сердце» (Кузмин М. А. Условные стилизации под «библейскую простоту», адекватную «библейской» же значительности переживаемых Россией событий (1920–23), вызывала и негативные оценки. Так, Э. Ф. Голлербах видел здесь лишь подражание позднему Блоку, прежде всего — блоковской поэме «Двенадцать». «Подражательность всегда рабство и слабость,— заключал Голлербах.— И подделка даже под величайшего поэта современности не составляет никакого приобретения для подражательницы» (Вестник лит-ры. 1921. № 3. С. 9). «Скупой и однообразной» называл поэзию Р. Б. Гусман (Гусман Б. Сто поэтов. Тверь, 1922. С. 223), а М. Шагинян видела в «примитивизме» Р. лишь «небрежность стиля» (Петроградская правда. 1923. № 151).

После выхода третьей книги стихов Р. увлеклась переводами. Трагедии Шекспира, переведенные ею, были поставлены ее мужем, известным режиссером С. Э. Радловым на нескольких сценах и имели значительный успех. Однако принципы перевода, выдвинутые Р. и апробированные прежде всего в ра-

боте над Шекспиром, вызвали грандиозную полемику в 1936–40, бушевавшую на страницах периодики и завершившуюся на Шекспировской конференции в 1940. Сущность полемики емко сформулирована одним из ее участников: «Радлова сводит Шекспира с тех ходулей, на которые его ставили переводчики, режиссеры, актеры. Она хочет вернуть Шекспира земле. Не риторический, ораторский, адвокатский Шекспир, а вся его плоть и кровь, его мясо и мускулы. В этом крупная культурная заслуга Радловой. Но не слишком ли много этой „плоти“, этой „земли“...» (Юзовский Ю. Разговор затянулся за полночь: Статьи разных лет. М., 1966. С. 160). Резко и непримиримо выступил против «живого Шекспира» Р. К. И. Чуковский: «Дело шло о сплошном огрублении Шекспира, об огрублении его мыслей, его лексикси, его интонаций, его стихового звучания, его синтаксиса, о страшном огрублении психики его персонажей и всех их человеческих отношений. Советскому народу не нужен такой одичалый и отупелый Шекспир, ему нужен Шекспир — гуманист, Шекспир — лирик, Шекспир — вдохновенный и тонкий поэт» (Чуковский К. И. Высокое искусство. М., 1941. С. 180–181). Между тем в статье о Р. в IX т. «Лит. энциклопедии» (М., 1935) ее переводы названы «шедеврами», точно воссоздающими характер оригинала (С. 502). В защиту Р. выступили актеры (в т. ч. А. А. Остужев), которые видели в радловских версиях шекспировского текста путь к преодолению рутинных «шекспирообразных» постановок с их тяжелой риторикой и статичностью.

Блокадную зиму Р. и ее муж провели в Ленинграде. Весной 1942 эвакуировались в Пятигорск вместе с Театром им. Ленсовета. Летом того же года Пятигорск заняли фашисты, и труппа театра была депортирована в Германию. Впоследствии Анна и Сергей Радловы жили в Париже, где в 1945 встретили союзнические войска. В том же году Радловы вернулись в Советский Союз, были обвинены в измене родине и отправлены в лагерь. Р. скончалась в лагере, посмертно реабилитирована.

Соч.: Стихотворения. Л., 1991. (Серебряный век).

Лит.: Гайдабура В. Так расскажи правдиво... // Советская культура. 1989. 22 авг. С. 6.

Ю. В. Зобнин

РАЕВСКИЙ Георгий (настоящее имя Георгий Авдеевич Оцуп) [29.12.1897(10.1.1898), Царское Село — 19.2.1963, Штутгарт] — поэт, мемуарист.

Родился в семье придворного фотографа. Оба его старших брата были поэтами: Николай Оцуп принадлежал к акмеистским кругам и входил во «Второй Цех поэтов», поэтическое творчество Александра Оцупа началось уже в эмиграции, где он писал под псевдонимами Сергей Горный и А. Авдеев. В начале 1920-х Р. эмигрировал из России в Германию, где окончил Берлинский ун-т. В 1924 переехал в Париж.

В Париже Р. был близок к В. Ф. Ходасевичу и с 1928 вместе с В. Смоленским, Д. Кнудом и О. Мандельштамом входил в поэтическое объединение «Перекресток». Г. В. Адамович причислял Р. к школе Ходасевича, а Ю. Терапиано называл его первым и единственным гетеанцем среди парижских поэтов. В. Ф. Ходасевич писал: «Замечательно, что лучшие из молодых парижских поэтов окрашивают свою поэзию как раз не в те эмоциональные цвета, которые характерны для основной массы. Таковы Ладинский, Берберова, Смоленский, Раевский» (Ходасевич В. Ф.— С. 347).

Под эмоциональными цветами, характерными для основной массы, Ходасевич подразумевал культивируемую Г. Адамовичем и близкими к нему поэтами цветовую «гамму» отчаяния и одиночества. Действительно, поэзия Р. далека от приглушенных, бессильных интонаций, присутствующих в творчестве мн. поэтов «парижской ноты». Пафос его поэзии — жизнеутверждающий, и если в ранний период творчества Р. (1920-е) фундаментом этого жизнеутверждения являлось гетеанство, то в поздний (1940–50-е) оно было основано на христианском мироощущении.

Поэты «Перекрестка», как утверждал Г. Струве, «исповедовали своего рода неоклассицизм» и «культивировали строгие формы» (Струве Г.— С. 221). Однако Г. Адамович считал, что от «слепого подражания Ходасевичу» (Адамович Г.— С. 150) проистекают все беды молодых парижских поэтов, и в т. ч. Р. «Георгий Раевский,— утверждал Г. Струве,— тоже принадлежит к поэтам „классической“ выучки. Он далек и от опростительства, и от экспериментальной замысловатости. Ему, может быть, не хватает оригинальности. Он суще Смоленского и уже Терапиано» (Струве Г.— С. 234). В. Ходасевич считал, впрочем, что «Раевский обладает хорошей способностью разобраться в поэтическом наследии своих учителей» и несмотря на невольное копирование чужих стихов одарен собственным «поэтическим одушевлением» (Ходасевич В. Молодые поэты // Возрождение. 1928. 26 июля).

Первая книга стих. Р. «**Строфы**» вышла в 1928 в Париже. Современники отмечали, что для нее было характерно подражание Пушкину и особенно Тютчеву. Но скорее следует говорить о культе пушкинской эпохи, характерном для творчества Р. Этим культом был обусловлен и выбор псевдонима, апеллирующего, вероятно, к поэту и публицисту В. Ф. Раевскому, одному из основателей Кишиневской управы декабристов, адресату стих. Пушкина «Не тем, горжусь я, мой певец...» (1822) и «Ты прав, мой друг...» (1822).

Р. публиковался в «Числах», «Совр. записках», альм. «Круг», лит. отделе газ. «Возрождение». В 1935–39 он был членом лит. объединения «Круг». Кроме того, Р. входил в парижский Союз русских писателей и журналистов. Его вторая книга «**Новые стихотворения**» была набрана в Германии накануне Второй мировой войны, но вышла в свет только в 1946. В предвоенный и военный период своей жизни и творчества Р. был близок к матери Марии (поэтессе Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, принявшей монашество), а поэтическое творчество стало для него формой христианского служения.

В 1953 в Париже вышел последний сб. стих. Р. — «**Третья книга**». В рецензии на нее Е. Таубер писала: «В современной эмигрантской поэзии он почти одинок. Поэзия его преимущественно волевая, никак не стихийно-иррациональная... Чувство одиночества, столь характерное для его современников, органически чуждо Г. Раевскому. Все его существо пронизано „соборностью“, „преодолением раздельности земного бытия“...» (Грани. 1954. № 21).

В поэзии Р. действительно отсутствует центральная для поэтов «парижской ноты» тема одиночества. Лирический герой его поэзии пребывает под незримым покровительством Софии: для Р. «высокое имя Софии» — неизменный спутник человека в его земном странствии. Лейтмотивом текстов Р. являются «неба светлые сны» — эти «други изнемогающих», по выражению Е. Таубер (Грани. 1954. № 21).

В 1940–50-е годы Р. публиковался в альм. «Орион». Жил в Орли, иногда заезжая в Германию.

Соч.: Строфы. Париж, 1928; Новые стихотворения. Париж, 1946; Третья книга. Париж, 1953.

Лит.: Адамович Г. В. Парижская школа в русской поэзии // Лит. беседы в 2 кн. СПб., 1998. Кн. 2; Гофман М. [Рец.: Строфы] // Руль. 1928. 1 мая; Иваск Ю. [Рец.: Третья книга стихов] // Опыты. 1955. № 4; Слоним М. Лит.

дневник. Стрфы // Воля России. 1928. 1 мая; Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. Париж; М., 1996; Терапиано Ю. [Рец.: Стрфы] // Новый корабль. 1928. № 4; Терапиано Ю. Лит. жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987; Ходасевич В. Ф. Новые стихи // Ходасевич В. Ф. СС: в 4 т. Т. 2. М., 1996.

Е. Ю. Раскина

РАЗГОН Лев Эммануилович [1(14).4.1908, г. Горки Могилевской губ.— 8.9.1999, Москва] — писатель, критик, публицист.

Его трудовая биография началась после окончания Гражданской войны, когда надо было в разоренной, обнищавшей, безграмотной стране возводить социалистическое общество. В юности Р. был одним из легендарных «комсомольцев 20-х годов»: помогал ликвидировать беспризорничество, создавать пионерские отряды; работал вожатым в московском Доме пионеров, писал статьи и брошюры по детскому коммунистическому движению, ездил как корреспондент «Комсомольской правды» на молодежные стройки и одновременно учился на историческом ф-те МГПИ (окончил в 1932).

С конца 1920-х начал работу как редактор, критик и публицист в детской и юношеской лит-ре. С начала 1930-х — редактор в изд-вах «Молодая гвардия» и «Детгиз». В автобиографии Р. пишет: «Это были интереснейшие годы становления и развития советской детской литературы. Молода была литература, молоды были и все ее авторы и редакторы. Редакторы в те времена не только редактировали, но и сами писали...»

В 1938 был арестован, провел более 17 лет (с перерывом в 1945–49) в ГУЛАГе. Освобожден и реабилитирован в 1955. С этого времени по-настоящему разворачивается лит. творчество, основная черта которого — строгий документализм. Постоянные герои критических и худож. произведений Р.— писатели, ученые, просветители, педагоги в широком смысле слова, собиратели и распространители знания, истины, духовной культуры. Пристальный интерес к реальным людям, близким ему внешне — по роду занятий и внутренне — по складу души, по сути нравственных принципов, рожден многолетним суровым личным опытом, осмыслением собственной судьбы в соотнесении с судьбой эпохи, с биографиями людей, чья жизнь может служить образцом (Н. Дубов, В. Ян).

Р. обращался к разным жанрам: историко-революционному, биографическому, научно-публицистическому, однако тема оста-

Л. Э. Разгон

валась единой — знание и гуманизм. Оба понятия многомерны: знание — драма человеческой истории с упрямым приближением к научной, технической, социальной истине; гуманизм — моральная сторона цели и средств этого движения. Поэтому тема приобретала множество вариаций: наука и революция, материальное и духовное, человек и общество, прогресс и нравственность, прошлое и современность.

Содержание мн. книг, как в фокусе, сошло в повестях «Шестая станция» и «Один год и вся жизнь». Неслучайно для юбилейной книги, вышедшей в год 70-летия писателя, Р. из всего написанного отобрал именно эти произведения.

Герой повести «Один год и вся жизнь» — русский физик Петр Лебедев — талантливый, целеустремленный, готовый ради науки жертвовать личными благами. Но герой живет в России конца XIX — начала XX вв. Назревает революция. Лебедев стремится остаться вне политики, что не удастся. Прав его друг, Гопиус: «Все равно когда-нибудь случится, что политика, не спрашивая вас, Петр Николаевич, поставит перед вами нравственный выбор». Скоро так и происходит. Честный Лебедев должен признать объективную науч. несостоятельность «открытий» своего маститого коллеги, если они не подтверждаются данными опытов. Но в профессорской среде наука — средство для достижения жизненных удобств, комфорта. Заявление Лебедева воспринимается как политический акт, непатриотическое поведение, шельмование